

© 2004 г.

К.М. ОЛЬХОВИКОВ, Г.П. ОРЛОВ

КАТЕГОРИИ СОЦИОЛОГИИ: ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ И СЛОВАРЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОЛЬХОВИКОВ Константин Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-политических наук Уральского государственного университета; ОРЛОВ Георгий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории социологии Уральского государственного университета, Екатеринбург.

Включение в дискуссию о категориальном, понятийном аппарате социологии публикации Ж.Т. Тощенко [1] имеет характер *социологического вызова* существующей методологии. Автор ратует за полемику, не без основания полагая, что если, скажем, у «философии нет срочных проблем» (П.В. Копнин), то у социологии они все срочные. Но в чем эта срочность? Прежде всего, в необходимости приведения научного аппарата социологии в соответствие с изменениями во всем мире и, естественно, в России. Иногда эту «срочность» выводят из незавершенности, процессуальности социологии. Но это ее «нормальное» бытие, ибо принципиально она - наука о современном обществе (даже в этом контексте она является «социологией жизни»). А главное то, что общественная динамика становится все сложнее, изменения идут значительно быстрее, чем человек может на них рационально реагировать. Это противоречие и вызвало к жизни социологию как науку во времена О. Конта.

Однако вопрос об утрате социологией критериев научности, деформа-

ции и дезинтеграции научного знания является спорным. Олицетворением подобного состояния считается «кризис научного аппарата». Но есть ли кризис? (В китайском языке «кризис» изображается двумя иероглифами: первый – «внимание, опасность!» и второй – «выход из нее».) Различные трактовки научного аппарата, многообразие категорий, понятий, теорий – это опасность? Скорее нет. Идея «размывания» грани между наукой и лженаукой – сложна и противоречива (генетика и кибернетика у нас долго проходили по ведомству «буржуазной лженауки»). Социологический дискурс об обществе – не обязательно нарратив, ибо социология без создания «образов» (именно в них – сущность «категорий», которые вместе с «понятиями» образуют строительные блоки теории со времен Платона) – не наука об обществе. Бесспорно, остается открытым «вопрос № 1» – о природе «социального» (в его сущности, а не пресловутой приставки «социо-» или «социально-»). Ответ на него – ключ к категориальному и понятийному аппарату, где социальное вбирает в себя собственные принципиальные смысловые границы (над-индивидуальное, не-природное, преобразующее, субъективно-объективное) и где социальное – значит современное! Что касается «утраченности» критерия научности, то он, действительно, должен быть восстановлен с учетом многоаспектности типологических различий научной и вне-научной установок сознания. В методологии и теории социологии мы потеряли «материализм» и «идеализм», с легкостью уступив «позитивизму» и «прагматизму», между прочим, сохранив и классифицирующую матрицу «основного вопроса философии». Социологи многим обязаны марксистскому языку, многого добились с помощью материализма, диалектики и историзма в их аутентичном и современном виде.

Включаясь в дискуссию о понятийном аппарате социологии, необходимо, по нашему мнению, начинать со следующих моментов.

1. *С предпосылок систематизации категорий социологии.* Мы исходим из реальной исторической структуры общества и превращаем эту структуру (систему) в теоретическое обоснование логики исторического процесса

в виде категорий и понятий. Это в идеальном случае и есть исходные пункты осознания, выведения и включения их в родовые, межпредметные и теоретико-познавательные символы. В нашем распоряжении уникальное издание: «Социологический энциклопедический словарь» на русском, английском, немецком, французском и чешском языках [2]. Это безусловно удачная попытка унификации и систематизации социологической терминологии.

2. *С восстановления теории развития общества.* Она заменена концепцией социальных изменений, концепцией модернизации. Но ни «эволюционизм», ни «исторический материализм» еще не принадлежат истории социального мышления. Когда социолог отказывается от рассмотрения исторического процесса в категориях общественно-экономической формации, экономических или социальных эпох, типов цивилизаций, что остается ему делать? «Очевидно, ничего иного, кроме как использовать околонучные, не имеющие глубокого социального смысла термины – “до”, “теперь и сейчас”, “после” в их иноязычном варианте» [3, С. 488].

3. Принципиально важно *общее методологическое различие категорий и понятий.* «Категория», от греческого *κατηγορία* – «обвинение» [4, С. 693], близко к русскому «[о]суждение». В отличие от «понятия», где представлена функция формального схватывания сходств и различий предметов, «категория» выражает содержательную установку мышления и исследовательской деятельности. Мы исходим из того, что статус социологических категорий определяется сущностным противоречием, когда человеческое сознание «не успевает» за сложностью жизни, а, с другой стороны, его образные установки должны быть сложнее видимого общества.

Последнее обстоятельство аргументировалось ранее [5]. Предложенная тогда блоковая и этапная модель классификации социологических категорий призвана продемонстрировать открытые перспективы «социального» как универсального социологического смыслообраза, где уместаются разные категориальные прочтения «общества». Но стержнем этой модели является *восхождение от социальной общности к индивиду через группы, классы, эт-*

носы. Безусловно, все социологи исходят из общества и восходят к нему, но, с точки зрения построения системы категорий «Начинать с общества – это значит начинать с конца» [5, С. 113].

Социология – это *фундаментальное знание*. Его статус охарактеризовал К. Ясперс: «Фундаментальное знание заключается не столько в понятиях, сколько в представлениях и образах; это осознание того, что *действительно*, – в противоположность тому, что просто *есть* <...> Рефлексируя над своим фундаментальным знанием, человек *осознанно* переводит его на язык *понятий*» [6, С. 432]. Рассмотрение категорий социологии не заменяет собой технической разработки понятий, но определенность категориальных установок гарантирует возможность систематической целостности понятийного аппарата науки. Подчеркнем – речь идет не об «универсальной» системе категорий, которая не может быть представлена в необходимом и достаточном дедуктивном обосновании, и прежде всего – по причине изменчивости самой жизни людей в обществах. В связи с этим, «кризис понятийного аппарата» [1, С. 3], уместный в диагнозе большинства современных исследований, не относится в полной мере к категориям социологии. Сопоставление разных социокультурных статусов этих логико-грамматических форм мышления приводит и к пониманию разных смысловых уровней исследовательского языка в социологии. При этом свобода методологического выбора в социологии предопределена ненаблюдаемостью «других людей» в сознательном опыте личности, или, по признанию Дж. Серла, ему неизвестно, «как анализировать социальный элемент в индивидуальном сознании» [7, С. 128].

Мы разделяем пафос постановки «вопроса о восстановлении критериев научности» [1, С. 4]. Это условие внутренней самоидентификации социологии. Социология как определенный образ мышления, конкурирующий почти 200 лет с другими социально-теоретическими установками (по преимуществу, экономики и психологии), так или иначе варьирует свои культурные притязания посредством изменений технического лексикона. Вместе с тем, в неклассической социологии типичны разрывы между стратегиями мышления и

его инструментальными техническими оснащениями. Часто возникающая ситуация «зондажа без исследователя» (П. Бурдье) повторяется во множестве вариаций. Основная причина в том, что техническая терминология живет своей жизнью, стремясь успеть за ритмами информационной моды. Первоначально это расхождение было фактором безопасности теоретического ядра социологии, сохраняло в оболочке модной терминологии качество социологического мышления как явления культуры и его смысловую установку. Но дело обернулось стихийным вторжением внешних структур действия и понимания, грозящих расщеплением самого образа социологического мышления. Проводниками этих деструкций зачастую оказываются термины из сферы маркетинговых исследований. *Технология разрушает методологию.*

Как донести социологическое знание до просвещаемой публики? Как связать это с исторической миссией социологического знания? Сегодня необходимы осознание и пропаганда *исторической логики* социологического мышления. Социология – уникальное явление современной культуры. Ее узнаваемая целостность в качестве образа мышления и деятельности призвана гарантировать осознание перспектив цивилизации, а, в конечном счете, и самого выживания человека. При этом сущностные основы социологических понятий далеко не исчерпываются частичной формализацией по Аристотелю! Возникнув в качестве варианта неклассической социальной метафизики, классическая социология достаточно ясно отличала себя от философии и от статистики. Качественное умозрение и количественные фиксации оставались несмешиваемы в качестве чистых типов исследовательской деятельности и публичной практики. Но изучение истории социологии не имеет глубоких академических корней в сравнении с историей философии, историей литературы, не говоря об истории как таковой. Это извинительно по причине относительно недолгого развития социологии. Во многом историческая составляющая культуры социологического мышления и социологической эрудиции еще вполне не обособилась в прагматических и педагогических границах. Нельзя сказать, что отсутствуют работы, анализирующие и излагающие ис-

торическое становление современной социологии. Они преследуют в своих основных целях первоначально изложение фактов истории социологии с точки зрения введения будущих социологов в специальность. Образцом такого исполнения истории социологии является курс лекций Г.Е. Зборовского [8]. Основные преимущества этого учебника позволяют столь же прозрачно характеризовать границы его применимости. Это книга, адресованная начинающему студенту, представляющая интерес для профессионалов, и достигающая эти две разноуровневые цели благодаря *авторскому* видению курса в целом и в деталях. Безусловным преимуществом этого пособия следует признать его относительную компактность и внутреннюю стройность. Эта работа знакомит с существеннейшими фактами истории социологии и удачна в качестве приготавливающего введения в систематическое изучение категорий социологии.

Пример, зеркально противоположный учебнику Г.Е. Зборовского, четырехтомная «История теоретической социологии» [9]. Представленные здесь авторские версии понимания истории социологии достаточно неравномерно распределены по главам, разделам, томам. На первом плане многообразие фактов истории социологии, формируется представление о необозримости проблемного поля истории социологии в целом и возникает установка на неизбежность авторской избирательности ее сюжетных трактовок. Это авторитетное издание прекрасно работает на проблематизацию социологической эрудиции и провоцирует творческое разнообразие понимания исторических основ социологического мышления.

Вариантом, отличным от курса лекций Г.Е. Зборовского и четырехтомника, является учебник для вузов под редакцией Г.В. Осипова «История социологии в Западной Европе и США» [10]. В достаточно компактной форме здесь представлены нетривиальные прочтения ключевых фигур, школ, национальных сюжетов в западной социологии. Эта книга тяготеет к жанру более чем солидного сборника исследовательских статей по истории социологии. Он менее, чем предыдущие версии, ориентирован на согласование раз-

ных логических структур и объяснения историко-социологических фактов. Такой взгляд предполагает предварительное знакомство с основными понятиями, текстами, общенаучную и общекультурную эрудицию, порождая последующую потребность ориентации и согласования разнопроблемных видений истории социологии. Множество других версий истории социологии, адресованных студентам, иногда используют приемы синтеза и объединения с историей философии, политическими идеями, теорией управления и т.д., интересны, но определенно не ориентированы на прояснение образа социологического мышления.

И еще более это относится к версиям истории отечественной социологии. Безусловное отставание от истории русской литературы, почти абсолютная зависимость от истории русской философии – все это имеет объектные и субъектные основания в самой ситуации применения категорий социологического мышления к отечественным текстам. Вместе с тем, здесь проявляют себя те же проблемы отсутствия систематической ориентации, которые в полной мере осложняют историю западной социологии. И дело не только в первичности западной цивилизации в аспекте генерации социологических идей. *Общая ситуация современного обращения к категориям социологии* порождает замыслы и надежды их систематического рассмотрения.

Наш взгляд на систему категорий социологии не отменяет предыдущие версии ее прочтений, но нацелен на их восполнение и частичную реконструкцию принципиальных границ социологического образа мышления – границ упорядочивания социологических исследовательских словарей. Социология – не случайная часть неклассической культуры поздних индустриальных и постиндустриальных обществ. Это прежде всего определенный *образ мышления*, конкурирующий с другими культурными практиками, поддерживающими социальные институты. При этом существенно важно для социологического мышления различать *методологические стратегии*, которые по сути категориальны, и *парадигмы*, которые функционально онтологичны. Разумеется, целостное понимание социологического мышления не может быть

исчерпано через любую реконструкцию его категориальной системы. Но «системность», будучи всегда авторской версией – это одно из необходимых условий понимания социокультурного статуса и перспектив социологического мышления в его образном единстве и его исторически обусловленных современных вариациях.

Всякий специальный взгляд на историческое и логическое происхождение категорий социологии представляет собой разновидность отраслевой теории, где общенаучные понятия заимствованы из более обширной родовой области познания, а специальная терминология всегда скрепляется смысловыми связями авторского происхождения. Схематизм построения категорий в качестве «отраслевой социологической теории» не всегда отчетлив, отчасти устраняется благодаря исследовательской установке на понимание содержательных сюжетов и идей. Большинство версий понимания категорий социологии ограничиваются принципиальными императивами, ограничивающими произвольность толкования избранных терминов, но иногда неоправданно сужающими формальные возможности самого категориального статуса. Наш замысел систематического понимания категорий социологии предполагает нарушение этой практики и предлагает схему понимания *категорий социологии в качестве инструмента приращения исследовательских понятий*, их применения в современной культурной и духовной ситуации.

Миллениум не прошел бесследно для общественного сознания и массовой культуры – пришло время его социологической ревизии. Просматривая номера журнала «*American Sociological Review*» за 2000-2002 гг. и сравнивая их с соответствующими по времени опубликования материалы «Социологических исследований», ловишь себя на мысли о том, что конкуренция разных (по стилю, способам и самим замыслам) видов мышления бросает социологии вызов и дает ей еще один шанс борьбы «за большую науку». Культура современного человечества необратимо переходит от религиоподобия к наукообразию. Возникают многочисленные дисциплины и направления, претендующие на абсолютный успех в сфере социальных технологий. Эта конку-

рентная ситуация решительно отличается от той, которая способствовала формированию классического образа социологического мышления в XIX веке. Позитивизм, парировав претензии политической экономии, расщепился на логический позитивизм и структурно-функциональную парадигму. Понимающая социология радикально преодолела вызовы и тупики психологизма, открыв дорогу менеджеральным и маркетинговым моделям управления. Сегодняшний рубеж тысячелетий провоцирует искушения *постмодерном*. Насколько сравнима эта ситуация с предыдущими оппозициями социологии, существует ли здесь некая генетическая зависимость и, самое главное, каковы ресурсы возможных откликов социологии сегодня? Прежде всего, заметна качественная разница постмодернистских конструкций и результатов в «аутентичных» сферах философского литературоведения – с одной стороны, и в применении к социологическим стратегиям – с другой. Если в стремлении освободить современное мышление от категорий истории философии пост-современность себя вполне изобличила, то в социологии все «ограничивается» претензиями на очередной парадигмальный сдвиг, *постмодернизм* оказывается в тени *постиндустриализма*. Казалось бы, в последнем случае достаточно легко обнаружить ошибку необоснованной экстраполяции текущей социальной ситуации, но эта ошибка обманчиво тривиальна, поскольку в действительности прикрывает провокацию внутреннего, самопорожденного кризиса социологической мысли в ее исходных основаниях. Это «функциональное» прикрытие создает соблазн достаточной оправданности социологического мышления, будто бы обладающего непроясненностью в качестве следствия неисчерпаемости «человеческого» в целом.

Прекрасно сказал о необходимости формирования психопатологического мышления К. Ясперс, и его диагноз все еще применим по отношению к социальным и гуманитарным исследованиям в целом. Формированию мышления и сегодня «препятствуют всякого рода компилятивные пособия, сообщающие студенту чисто внешние, не приведенные в систему сведения, которые будто бы имеют “практическую ценность”»; нередко такое мнимое знание

оказывается для практики более опасным, нежели абсолютное незнание. Демонстрация одного только “фасада” науки совершенно бесполезна. В наше время образование и духовность пребывают в упадке; именно поэтому любые компромиссы с нашей стороны недопустимы» [6, С. 20]. Это предостережение звучит тем более знаменательно, поскольку принадлежит человеку, который, по свидетельству Т. Парсонса, «больше всех сделал, чтобы утвердить положение Вебера как великой интеллектуальной фигуры в германоязычном мире» [11, С. 45]. Образцовое применение идей типологии в их сопоставлении с классификациями, изысканная и единственно перспективная трактовка биографического метода – эти разработки Ясперса демонстрируют обоснованность его притязаний на образ научного мышления.

Главное ограничение позитивистского образа научного мышления почти не привлекало к себе внимания социологов с момента своего возникновения в творчестве О. Конта. Позитивизм – это не просто хорошо, потому что положительно, это не победа над умозрением метафизиков, и даже не обратная сторона сен-симоновской классификации наук. *Позитивизм, в качестве генетически наследуемой черты социологического мышления*, представляет собой уверенный выбор «срединного» пути *между эмпиризмом и догматизмом*, удерживающего при этом в себе и для себя их совершенно противоположные возможности и эффекты. Это довольно варварский, дикий по перепадам логического оформления рационализм. Нечто гомологичное – современная исследовательская вера в непобедимое наукообразие математических формул, таблиц, графиков и т.д. Таково социологическое мышление, лишенное образа. Его конкурентные ресурсы в современной культуре ограничиваются сферой «прикладных» образовательных услуг, и вклад в социологическую традицию скорее отрицательный.

Имя и программа социологии, запатентованные Контом, крепятся к мировой культуре посредством одной, достаточно узкой, версии понимания смысла социологического мышления и границ цивилизации, на которые это мышление притязает. Такой способ рассуждения зависим от возможностей

частичной формализации логико-грамматического анализа Аристотеля. Именно допущение возможности открывать родовидовые отношения в качестве сущностных отношений действительности в процессе установления признаков вещей составляет основной эвристический ресурс сравнительного метода Конта. Понимая признак как сходство-различие, позитивистское мышление редуцирует смысл к объектным значениям, предметность и субъектность – к дополнениям «строгой научной логики». *Классический позитивизм, в сущности, недостаточно логичен.* Отсюда и упреки то в позитивизме, то в ненаучности, которые зачастую могут оказываться прямыми противоположностями того, что имеют в виду спорящие.

Деликатность социокультурного статуса социологического мышления состоит в том, что его классический образ является не чем иным, как *особым вариантом неклассической социальной метафизики.* Эту особенность можно определить через выраженность прагматической установки и ориентацию на воображаемую картину социально организованной реальности. Таким образом, центральными категориями социологического мышления оказываются *человек, язык, культура,* понимаемые в терминах успеха (или прогресса) и предсказуемости (или порядка). Открытость и незавершенность человека, лингвистический релятивизм, проблематичность общекультурных ценностей не устраняют фактов социального неравенства, глобального неравновесия, чудовищных смещений этноцентризма и космополитизма. Следует также избегать неявных методологических обобщений «социологии жизни» с антропологическими программами, поскольку это открывает перед социологией в целом перспективу превращения в *частный раздел антропологии* развитых индустриальных обществ, по замечанию К. Поппера [2, С. 302]. *Но безусловно приемлема трактовка «социологии жизни» как синонима культурного призвания социологии в целом.*

Пожалуй, как никогда актуален взгляд на различные «дисциплины бизнеса» (менеджмент, маркетинг, контроллинг и т.д.) не как на учебные предметы, отвечающие учебным классификациям, а как на порождения разных

школ бизнеса (не стоит путать их с неклассическими школами в социологии). *Все дисциплины управленческого цикла представляют собой один и тот же предмет в разных, конкурирующих между собой в действительности, версиях и проекциях.* Важно не в равной степени, не рядоположенно в рамках одной объектной классификации представить эти конкурирующие методики, но необходимо научиться пониманию разных проективных возможностей и *овладеть умением выбора.* При этом самое сложное и важное – следовать изначальным приоритетам, отражающим интересы дела и социальные ценности. Социологическое мышление, а не какое-нибудь другое, способно «расколдовать» эту пугающую пестрым многообразием ситуацию бесконечной одномерности горизонтов современных массовых обществ. Так для социологии возникает задача конкуренции в разных социальных сферах и кругах современности. И это не столько социальная, сколько *культурная конкуренция.*

Социологический образ мышления сегодня – это непрерывное, заинтересованное лишь в истине, изучение общества и людей, противостоящее вечным соблазнам укрыться в тайнах природы (объекта) или Духа (экзистенции, субъекта). Неисчерпаемость противостоящих нам глубин реальностей причинности и свободы, при постоянной неустойчивости социальных взаимодействий и обменов, превращают социологию в безнадежно человеческий проект, но отнюдь не символизируют безнадежности постижения бытия через призму человеческого существования. Человек не безнадежен. Социология – не другой лик метафизики, но ее позднейшее восполнение как ответ на социальную и культурную динамику зрелых индустриальных обществ. Рост постиндустриальных культурных практик не кладет значимых пределов традиционным и индустриальным институтам, но ставит условием осмысления исходных оснований мыслимый образ единства человеческого мышления и человеческих поведенческих установлений.

Объектным условием социологии как явления культуры является относительно развитое гражданское общество. Однако гарантия светской свободы создает проблему взаимоотношения общностей и профессионалов. Способ-

ность перенести эти разночтения из области социальных конфликтов в сферу конкуренции культурных практик, расширяющих возможности развития людей и обществ, – таким видится сегодня образ и призвание социологического мышления.

Своеобразие социологии поддерживалось нетривиальными трактовками новой социокультурной ситуации человека и цивилизации через открытую вариативность типов научного мышления. Претендуя на «большую науку», социология сама оказывалась не столько наукой, сколько стратегией и выбором ориентации мышления. Необходимость категориального осмысления возникает всякий раз с изменением предметного содержания и границ социологического мышления. Эта необходимость парирует опасности утраты образа социологического мышления. Сегодняшний фазис категорий социологического мышления связан с вызовами со стороны социально-управленческих установок мышления (социальные технологии, менеджмент, маркетинг и т.д.). В очередной раз социология «растворяется» или «выталкивается» за рамки модных идей, где прагматизм инструментальных предписаний («ползучий» эмпиризм) «фаршируется» философскими произволами («путь паука», по Ф. Бэкону). С одной стороны, возникают бесконечные синонимические ряды, размывающие классические границы категорий в постоянно меняющихся заимствованиях. С другой стороны, происходят постоянные «озарения» по поводу приходящей социальной реальности, будущего безаналогового общества, где изобретения «философских велосипедов» претендуют на самостоятельное новаторство, игнорирующее общенаучную дисциплину употребления понятий. Последняя, разумеется, оставляется за социологией. В результате, социология либо постоянно «меняет фамилию», вступая в разнообразные социально-технологические союзы, либо постоянно «выносится за скобки» управленческой экспертизы, исключается из авангарда управленческого прогресса. Но и участие в социально-технологических прорывах не приносит социологии дивидендов, так как подрывает значимость самого образа социологического мышления. А игнорирование социоло-

логической традиции не оставляет возможности группироваться ее адептам, так как общее понимание любых традиций мышления сегодня осложнено деконструкцией принципиальных основ понимания и объяснения. Центральный вопрос и критерий соотношения социологии и современных социальных технологий управления – это вопрос соотношения социологического мышления и *прагматизма*. Будучи последовательно американской альтернативой европейским философским сюжетам рационализма, эмпиризма, иррационализма, экзистенциализма, а также практическим конкурентом позитивизму и морализму, прагматизм завоевывает себе право быть чем угодно, оставаясь успешным эклектизмом. Именно американоцентризм неклассической социологии определяет чрезмерно грубые разрывы современных исследовательских лексиконов с классическими категориями.

Как вернуть социологии права неклассической социальной метафизики в новых внешних и внутренних условиях, не отвергая при этом реальных и возможных достижений социологической экспертизы управления? «Аутентичность» классических категорий социологии (таких как *социальный факт, социальное действие, социальный конфликт, общность и общество* и др.) перестала быть исключительно историко-социологической задачей. Ситуация во многом сходна переводу поэтических или философских текстов. Нужно заново открыть эти категории в контекстах новой ситуации. Это не изобретение, но «гальванизация» разрозненных элементов классической социологической установки через новую инструментальную структуру исследовательских технологий. Категории вовлекают постоянное многообразие подготовительных работ, дискурсов, осуществляемых практически во всех программах социологических исследований. Проблема категорий вовлекает социологическое сообщество в проекты реабилитации фундамента социологической традиции, в установление новых форматов социологической деятельности, адекватных современной культурной ситуации человека. Категориальные установки мышления представляют собой особый класс форм, обеспечивающих внутреннюю предметную связь внешних объектных вари-

ций исследовательских метафор социальной реальности. Сочетаемость объяснения и понимания, данная в категориях, исключает непосредственную наглядность теоретических парадигм в качестве созерцаемых картин социальной жизни, но предполагает эту образность в исследователе. *Социологическое воображение* не меняет категориального статуса социологического мышления в принципе, поскольку трактует социологию не как науку или культурную традицию, но как современную ориентацию мышления. Возникает общая неспециализированная образность, созвучная современной культурной ситуации в целом. Воображение идет за содержанием духовной жизни эпохи и не претендует на статус методологии. Строго говоря, воображение не может гарантировать более чем видимость понимания и видимость объяснения. Но воображение открывает педагогический ресурс апелляции к здравому смыслу, который всегда не самодостаточен и не дает надежных критериев понимания человеческой природы, к чему вынуждены постоянно взывать проводники воображения.

Социологическое мышление, изначально ориентированное на «строгую научную логику», в целом не отвечает и не может отвечать требованиям строгой дедукции (равно как и индукции). Существует непреодолимое расщепление теории и эмпирии, рациональности и ценности, в пространстве которых всякое исследование оказывается относительно незавершенным, а его когнитивные процедуры могут быть представлены относительно просто или относительно сложно. *Социологическое обоснование фактов и построение теорий социальных явлений трансдуктивно*. Общая характеристика трансдукции предполагает, что выводы исследования никогда не возникают из первоначальных аксиом посредством изначально принятых правил формального обоснования. Результаты и рекомендации социологического мышления также не являются исключительно вероятностными суждениями, поскольку всегда апеллируют к ценностным антиципациям, которые не выводимы из любого, как угодно большого массива фактов. Всякий исследователь начинает с определенного сочетания теоретических суждений, фактических знаний,

ценностных предпочтений, и этот набор может сужаться или расширяться на разных стадиях исследования и обоснования его результатов. Таким образом, *всякое эвристически значимое социологическое исследование представляет собой путевой анализ жизненных миров современников, и его успех решающим образом зависит от выбора категориальных установок и последовательности в их исполнении.* Итак, социологическая теория недедуктивна в строгом значении слова, но представляет собой жизнеспособный и действующий симбиоз категорий и инструментальных терминов. Последние изобличают принадлежность социологии к разряду «τέχνη» («искусство, ремесло, наука» [4, С. 1240]) и составляют условие изоциренности выживания социологии в различных предметных средах, практических ситуациях и регулятивных обстоятельствах общественной жизни.

До сих пор мы говорили о категориях социологии в предельно обобщенном значении их отличия от инструментальных понятий и исследовательских процедур. Но категориальное поле установок социологического мышления достаточно разнородно (гетерогенно) и динамично в своих внутренних структурах. Выбор той или иной категории в качестве «исходной клетки» обусловлен авторским различием действующих установок понимания и объяснения социального от общенаучного и общекультурного лексиконов, живущих ритмами и тенденциями общества в целом, вызовами цивилизации. Так возникают «парадигмальные прорывы», когда происходит существенная переоценка языка социологии с позиций категориального теоретического выбора исследователя. Важную роль в существовании социологии как особой лингвистической субкультуры играют *концепты* – инструментальные построения, речевые акты, модели социального действия, понятные исследователю «изнутри». Если парадигмы укоренены в ценностном выборе, то исследовательские модели опосредованы ориентациями на прагматически значимые социальные *характеры*, образцы действия. И ценности, и характеры не укладываются в объектные классификации, но онтологически и эпистемологически предполагают типологическую перлюстрацию явлений.

Необходимость различения классификаций и типологий в социологическом мышлении становится неотложной по причинам трансдуктивной природы этого мышления. С одной стороны, всякая ориентация не может быть сведена к объектному знанию, с другой стороны, ориентации сами по себе, без содержательной объектной контекстуализации, не репрезентируют, не представляют социальные ценности. Всякая нетривиальная версия социологического мышления отвечает требованию «системности». Это очень хорошо видно на примерах классиков мировой социологии, где даже биографическая незавершенность исполнения не перечеркивает, а иногда и делает более заметной системную ценностную значимость теоретической и исследовательской конструкции. Действительная системность представляет собой возможности согласовывания, сопряжения, параллелизма и расхождений типологий и классификаций, реализуемые через серию авторских выборов, провоцируемых содержательными вопросами исследований. Системность социологического мышления всегда остается относительно прозрачной и ненаблюдаемой, но ее осознание и экспликация открывают новые ресурсы социологии, составляют залог ее культурного статуса, культурной востребованности.

Таким образом, возникает картина *многоуровневой типологии языковых единиц социологического мышления*: 1) *Общая категориальная база*, вариативно сочетающая категории социологии и общекультурные, общесоциальные установки духовной ситуации эпохи. Граница между ними подвижна, а способы разграничения провоцируют парадигмальные сдвиги, фиксируя их исходные понятия. 2) *Частная терминология*, сочетающая общенаучные и узкопрофессиональные понятия, установки и способы их сочетания с инструментальными концептами. Здесь формируется стилистика научных школ и оттачиваются национальные ритмы социологического мышления. 3) *Отраслевая терминология*, как правило, пополняемая за счет междисциплинарных или межязыковых заимствований. Периодическая мода на некоторые термины делает их частью общепарадигмальных кодов и социальных стилей эпохи. Циркуляция лидерства, господства, престижности между разными отрасле-

выми социологиями вызывает содержательные смещения общесоциологического лексикона и исполнения категориальных установок. 4) *Диагностирующие понятия* вербуются эклектически из представленных выше смысловых уровней социологической терминологии. Происходит задействование категорий и терминов, обеспечивающее выход социологического мышления к объектным классификациям социальных явлений и социальных символов жизненного мира человека. Обычная неуспешность этих применений социологического знания обнаруживается при попытках расширительной трактовки полученных эвристических результатов. Распространенные апелляции к статистическим процедурам не всегда снимают исходную методологическую неточность. Но это важнейшая ипостась социологии с точки зрения заказчика и в аспекте любого значимого социального заказа.

Итак, *категории социологии – это границы установок теоретического мышления и исследовательских терминов*, проведенные с целью получения понятной модели исследуемых социальных явлений, допускающей также применение причинных объяснений и презентацию общенаучно релевантных результатов исследований. Имеет смысл говорить о кризисе понятийного аппарата социологической науки, поскольку он всегда новейшее изобретение времени и авторов. Говорить о кризисе категорий, относящихся к культурным образцам большой длительности, почти бессмысленно, так как они не могут быть предметом заговора и результатом авторских откровений. Категории социологии – артефакты духовной культуры, оценивающие современных исследователей и не нуждающиеся в образах понятийного кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тоценко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002, № 9, С. 3-16.
2. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН *Г.В. Осипов*. М., 1988.
3. *Ельмеев В.Я.* К смене парадигм в теории развития общества // Первый Всероссийский Социологический Конгресс «Социология и общество». СПб, 2000.
4. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь репринт V-го издания 1899 г. М., 1991.
5. *Орлов Г.П.* Категории социологии: проблема классификации // Социол. исслед. 1997, № 10, С. 109-116.
6. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997.
7. *Серл Дж.* Открывая сознание заново. М., 2002.
8. *Зборовский Г.Е.* История социологии: классический этап. Екатеринбург, 2001.
9. История теоретической социологии. В 4-х т. М., 1997-1998.
10. История социологии в Западной Европе и США. М., 1999.
11. *Парсонс Т.* О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2.
12. *Поппер К.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.